

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

А. Н. Ждан

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА И ПРАКТИКА В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945)

Дается общий обзор развития советской психологии в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются основные направления научных исследований и научно-практических работ. Утверждается положение об определяющей роли в развитии науки фундаментальных исследований.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советская психология, фундаментальная наука, восстановление психофизиологических и двигательных функций, трудовая терапия.

The development of soviet psychology during Great Patriotic War is reviewed. The main areas of scientific research and practical work are scrutinized. The thesis of determinative role of fundamental research in science development is stated.

Key words: Great Patriotic War, soviet psychology, basic science, restoration of psycho-physiological and motor functions, occupational therapy.

Вопросы большой теории, правильно поставленные и верно поняты, — это вместе с тем и практические вопросы большой значимости.

С.Л. Рубинштейн

Введение

Война поставила перед психологией такие задачи, которые трудно было представить в мирные годы. Советская психология, как отмечал С.Л. Рубинштейн в большой статье 1943 г. (Рубинштейн, 1989, с. 374), подошла к разрешению этих задач, обогащенная достижениями в области теоретических исканий, экспериментальных исследований и практических разработок. К началу 1940-х гг. были выработаны основные методологические установки и принципы,

---

Ждан Антонина Николаевна — член-корр. РАО, докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: zhdan@list.ru

на базе которых в психологии и сопряженных с ней физиологии и психофизиологии в основном сложились крупные научные школы. Это школа В.М. Бехтерева, психология установки Д.Н. Узнадзе, культурно-историческая психология, деятельностный подход в его разных вариантах, физиология И.П. Павлова, теория функциональных систем П.К. Анохина, принцип доминанты А.А. Ухтомского с его широким применением к изучению психологических проблем человека, новаторские исследования движений человека Н.А. Бернштейна.

В военные годы психологическая наука укрепилась и организационно. После ряда попыток подменить психологию рефлексологией, реактологией, педологией, означавших по существу ликвидацию психологии как науки, и связанных с этими попытками государственных актов по реорганизации психологических научных учреждений и работы высшей школы (например, выведение гуманитарных факультетов из МГУ и других университетов в 1930-х гг., означавшее прекращение научных исследований, преподавания психологии и как следствие — подготовки квалифицированных психологических кадров) движение научной психологической мысли затормозилось на целое десятилетие. Но уже в конце декабря 1941 г., когда враг только что отступил от Москвы, в Московском университете, эвакуированном в Ашхабад, был восстановлен философский факультет. В его состав был введен Психологический институт (выведенный из состава МГУ в 1926 г.), остававшийся в тот период главным центром научных исследований в психологии. Также в структуре философского факультета 1 октября 1942 г. были созданы кафедра и отделение психологии, а несколько позже — отделение психологии, логики и русского языка на филологическом факультете. Всю эту работу возглавил С.Л. Рубинштейн. Весной 1942 г. за книгу «Основы общей психологии» (опубликована в 1940 г., подготовка второго издания (1946) этого выдающегося труда проходила в годы Великой Отечественной войны) ему была присуждена Сталинская премия. В 1943 г. С.Л. Рубинштейн был избран членом-корреспондентом АН СССР и, таким образом, впервые представил психологическую науку в академическом сообществе.

К работе на кафедре психологии С.Л. Рубинштейн привлек всех крупных ученых Москвы — прежде всего из Психологического института (который он также возглавлял в 1942—1945 гг.), а также из других научных институтов. На кафедре в ее первом составе работали: А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, П.Я. Гальперин, К.М. Гуревич, С.В. Кравков, Н.Н. Ладыгина-Котс, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия. Примечательно, что почти все они вышли из школы Г.И. Челпанова, что явилось важным условием сохранения созданных Г.И. Челпановым традиций университетской психологии, среди

которых высокий теоретический уровень преподавания и научных исследований, их философская культура, владение современными методами исследования.

Почти одновременно с восстановлением психологии в МГУ в другом крупнейшем центре научно-исследовательской работы — Ленинградском университете (также на философском факультете) — в 1944 г. открылась кафедра психологии (заведующий Б.Г. Ананьев), а в 1944—1945 г. — психологическое отделение, на котором началась подготовка психологов. В состав кафедры вошли В.Н. Мясищев, А.В. Ярмоленко, Г.З. Рогинский, В.И. Кауфман, Н.В. Опарина, все вышедшие из научной школы В.М. Бехтерева.

В 1945 г. С.Л. Рубинштейн организовал и в дальнейшем возглавил сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР, в котором работали С.В. Кравков, Н.Н. Ладыгина-Котс, Б.М. Теплов и другие известные психологи; здесь готовились новые кадры психологов: Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, М.Г. Ярошевский, Е.Н. Соколов и др.

Все это были крупные шаги по укреплению психологии. Именно в годы войны психология восстановила свой социальный статус и заняла законное место среди других отраслей советской науки. Б.Г. Ананьев в своей публичной лекции на тему «Успехи советской психологии», прочитанной 12 декабря 1947 г. в Ленинграде, сказал: «В настоящее время... советская психология... обладает мощными научными организациями и учреждениями, специальными научными институтами в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Риге и т.д., крупными кафедрами и лабораториями. Больше чем в 30 университетах и вузах нашей страны созданы отделения логики и психологии на философских и филологических факультетах... с осени 1947 г. введено преподавание психологии и логики в средней школе нашей страны» (Ананьев, 1948, с. 7).

Основные направления научных и научно-практических работ в области психологии в годы Великой Отечественной войны

Достижения психологической науки этих лет нашли достаточно полное отражение в нашей научной литературе в статьях С.Л. Рубинштейна (1989), Б.Г. Ананьева (1948), А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева, в сборниках под редакцией С.Л. Рубинштейна (Психология. Движение..., 1945; Психология. Вопросы..., 1947), монографиях (Леонтьев, Запорожец, 2012; Лурия, 1948, 1971, 1982) и др. При этом нельзя не согласиться с мнением Б.В. Зейгарник, которая отмечала в своих публикациях на эту тему, что «о конкретном вкладе ученых психологов мало известно». В литературе представлены следующие формы участия психологов в войне. Не-

посредственное участие в военных действиях принимали теперь известные психологи: К.К. Платонов, Е.Н. Соколов, Г.М. Андреева, Д.Б. Эльконин, А.В. Зосимовский, Г.Е. Залесский, Л.М. Шварц, З.А. Решетова, С.Н. Карпова, А.Г. Ковалев, Ю.А. Самарин, А.Ц. Пуни, А.В. Веденов, Т.А. Репина, Ф.Н. Шемякин, Г.Д. Луков, В.И. Кауфман и другие. Ушли в народное ополчение А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, П.А. Шеварев, но были отозваны и участвовали в службе ПВО г. Москвы. В ПВО Ленинграда несли службу А.А. Бодаев и другие психологи. А.А. Люблинская работала в госпиталях по уходу за ранеными и осиротевшими детьми. В.Н. Мясищев был начальником гражданского госпиталя для населения в Ленинграде. В блокадном Ленинграде группа слепорожденных несла боевую службу в прожекторном полку на звукоулавливателях, определяя направление и дальность вражеских самолетов. Слепые слухачи, как их называли, стали засекают вражеские цели в воздухе на такой дальности и высоте, которые не были доступны зрячим бойцам. Некоторые психологи работали в военные годы на заводах в качестве рабочих, мастеров (Ю.В. Котелова, Е.А. Климов и другие).

Большая психологическая работа развернулась в эвакуационных и фронтовых госпиталях по восстановлению нарушенных в результате ранений двигательных и психических функций, по обучению и переобучению инвалидов войны (восстановительный госпиталь в Кисегаче Челябинской области — филиал Всесоюзного института экспериментальной медицины во главе с А.Р. Лурия; восстановительный госпиталь под руководством А.Н. Леонтьева в Коуровке Свердловской области — филиал Московского государственного института психологии; аналогичные госпитали действовали в ряде других мест под руководством Б.Г. Ананьева, а также психологов группы Д.Н. Узнадзе). Обобщение этого опыта работы разных групп психологов стало содержанием большой научной конференции, организованной кафедрой психологии МГУ совместно с Институтом психологии АПН РСФСР и клиникой нервных болезней ВИЭМ в 1944 г. В ее работе приняли участие не только психологи, но и физиологи (Л.А. Орбели, П.К. Анохин, Э.А. Асратян, Н.А. Бернштейн), неврологи и хирурги (Н.И. Гращенков, В.А. Гиляровский, Н.Н. Приоров), сотрудники Института неврологии АМН СССР (Л.Б. Перельман, Э.С. Бэйн, О.И. Кауфман), Центрального института ортопедии и травматологии НКЗ СССР (М.С. Лебединский), Института мозга (А.Д. Колодная), Института трудовой экспертизы (В.М. Коган, Э.А. Коробкова). Работа конференции велась по следующим направлениям.

1. Вопросы теории пластичности, компенсации, восстановления (доклады Л.А. Орбели, П.К. Анохина, Э.А. Асратяна, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна, В.Н. Мясищева).

2. Проблема восстановления движений и чувствительности (итоги работы в восстановительном госпитале в Коуровке и лаборатории Института травматологии).

3. Проблемы восстановления речевых и познавательных процессов после травм коры головного мозга: итоги работы восстановительного госпиталя ВИЭМ в Кисегаче (Челябинская область), проводившейся под руководством А.Р. Лурия, и работы клиники нервных болезней ВИЭМ.

4. Практические вопросы трудотерапии, трудоустройства, трудоустройства инвалидов (доклады А.В. Запорожца, В.М. Когана, С.Г. Геллерштейна и других).

Материалы конференции были опубликованы в «Ученых записках МГУ» за 1947 г. (Психология. Вопросы..., 1947). В краткой вступительной статье к этому сборнику С.Л. Рубинштейн сформулировал теоретические положения о деятельности как объяснительном принципе и проблеме исследования, которые утвердились в довоенной советской психологии и послужили основаниями для ее включения в практическую работу по восстановлению нарушенных психических функций, движений и трудоспособности раненых воинов.

Важное место занимали исследования морально-боевых личностных и волевых качеств бойцов и командиров (Б.М. Теплов, К.Н. Корнилов, Н.Д. Левитов, В.Н. Мясичев, П.М. Якобсон, психологи грузинской школы). Большой материал по этим вопросам накопил опыт блокадного Ленинграда (Алексей Александрович Бодалев..., 2015). Проблема личностных качеств бойца и командира, вызванная насущной практической необходимостью, была одной из приоритетных тем советской психологии в годы войны. Как справедливо указывают исследователи, «именно человеческий фактор является одним из главных и определяющих условий, обеспечивающих исход военных баталий. В СССР в годы Великой Отечественной войны он приобрел особую роль» (Кольцова, Олейник, 2006, с. 91; см. весь раздел этой книги, посвященный анализу социально-психологических и личностных качеств бойцов и командиров). В связи с этим направлением психологических исследований невозможно не упомянуть (это должно стать темой отдельной статьи) о том огромном вкладе, который внесли в общее дело наши деятели искусства и литературы. Не научными методами, но средствами искусства они раскрывали моральный смысл войны, вселяли в людей веру в победу, помогали воспитанию чувств — патриотизма, беззаветной любви к Родине, ненависти к врагу. «Наукой ненависти» назвал свой рассказ Михаил Шолохов (1942). Он заканчивается словами лейтенанта Герасимова: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Каза-

лось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... Тяжко ненавижу я фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков».

Широким фронтом развернулись в годы войны психофизиологические исследования по изучению сенсорных и перцептивных процессов в связи с задачами нахождения путей достижения наименьшей заметности и наибольшей опознаваемости предметов, условий их наилучшей маскировки, изучению способов повышения чувствительности к сенсорным раздражителям, максимальной сенсibilизации органов чувств, условий наилучшего различения воспринимаемых объектов (Б.М. Теплов, С.В. Кравков, Б.Г. Ананьев, К.Х. Кекчеев, Л.А. Шварц, Е.Н. Семеновская, А.И. Богословский и другие).

Проводилась работа по обучению дешифрованию аэрофото снимков и чтению топографических карт (В.Ф. Рубахин), по обучению и подготовке кадров военных специалистов (Е.В. Гурьянов, Т.Г. Егоров, Л.М. Шварц, К.К. Платонов, В.В. Чебышева и другие), по отбору и рациональному распределению людей, по исследованию психологических особенностей полководческой деятельности (Б.М. Теплов).

Следует напомнить также, что и в военные годы продолжались исследования, прямо не связанные с оборонной темой. К ним относятся теоретические и экспериментальные исследования А.Н. Леонтьева о генезисе чувствительности и о развитии психики; исследования Б.Г. Ананьева по истории отечественной психологии; работы П.М. Якобсона о творчестве актера, проводились конкретные исследования в области зоопсихологии и другие. Примечательно, что в сборнике работ, проведенных сотрудниками кафедры психологии МГУ в 1943—1944 гг., опубликованы не только статьи по оборонной тематике, выполненные в эвакуогоспиталях, но и статьи Б.Г. Ананьева «Передовые традиции русской психологии», П.М. Якобсона «Психология работы актера над образом (Н.П. Хмелев и М.И. Бабанова)» (Психология. Движение..., 1945).

Успешное разрешение *практических* задач стало возможным потому, что в психологии к этому времени накопился опыт *теоретических и экспериментальных* исследований. Эти исследования составили необходимые *предпосылки для решения практических проблем, выдвинутых военным временем*, послужили основани-

ем для развития восстановительного обучения и трудотерапии. К началу 1940-х гг. в советской психологии в основном сложились крупные научные школы. Были выработаны находившиеся в преемственной связи с традициями русской научной мысли *новые методологические принципы* изучения психики человека. Важнейшим среди них был *принцип единства сознания и деятельности*, сформулированный С.Л. Рубинштейном еще в 1922 г. (Рубинштейн, 1986). Его разделяли психологи практически всех научных школ: А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.А. Смирнов и др. Согласно этому принципу между сознанием и деятельностью человека существует не формальная, не случайная связь, но глубоко внутренняя, генетическая, которая определяет деятельность человека и развитие его сознания. Было показано, что через организацию практических действий путем их включения в систему осмысленной предметной деятельности, побуждаемой конкретной потребностью, можно воздействовать на психофизиологические и двигательные функции. Так, эффективные результаты восстановления и компенсации нарушенных в результате ранения двигательных функций руки (объем подвижности пораженных звеньев руки) достигались не путем механической тренировки (например, по инструкции поднимать руку как можно выше), а через изменение психологического характера задачи (за счет изменения инструкции — достать высоко расположенный предмет). Оказалось, что максимальная величина объема движения, достигнутая испытуемым в первом случае, не является для него предельной, и он переходит через нее, давая при изменении задачи значительное увеличение показателя объема. Эти факты получают убедительное физиологическое объяснение в трудах Н.А.Бернштейна об уровнях построения движений человека. В них показано, как мозг управляет моторикой человека. В трудовых действиях, в спорте, в процессах фортепианной игры, при поражениях нервной системы, при пользовании протезами была выявлена роль *обратных афферентаций* в управлении движениями. Изменение задачи вместе с тем изменяет условия *афферентации* движения, условия сенсорного управления им и тем самым меняет протекание всего процесса. В рассмотренном примере движение в первом случае управляется исключительно проприоцептивно, т.е. непрерывно поступающими сенсорными сигналами от мышц, сухожилий, суставов и кожи действующей руки, во втором — с помощью зрительного контроля за воспринимаемым предметом, что требует более сложных сенсорных синтезов, которые остались сохранными. Соответственно эффективность движения возросла за счет повышения уровня управления. Работы Н.А. Бернштейна вместе с исследованиями П.К. Анохина по теории функциональных

систем дали принципиальное решение большого теоретического вопроса о двусторонней связи между строением и функцией, что одновременно открывало практические возможности для *активного конструирования движений*, управления ими в связи с двигательной задачей и в соответствии с внутренними и внешними условиями.

Следует в этой связи высоко оценить систему *трудовой восстановительной* терапии (С.Г. Геллерштейн). Созданная С.Г. Геллерштейном система опиралась на положение о ценности именно трудовых движений в восстановлении двигательных нарушений. Терапия трудом путем выполнения конкретных трудовых заданий оказывалась гораздо более эффективной по сравнению с физиотерапевтическими процедурами, лечебной физкультурой и упражнениями, в которых полезное движение было самоцелью. В слесарных, столярных, сапожных и других мастерских, в которых использовались сконструированные по рекомендациям психологов и медицинских работников специальные приспособления, происходило включение паретичной, а иногда и парализованной руки в выполнение трудовых операций. В эвакогоспиталях инвалиды войны приобретали трудовые навыки, что способствовало восстановлению их трудоспособности и трудоустройству в дальнейшем. «Трудовая терапия в широком понимании, — писал С.Г. Геллерштейн, — покоится на принципе воздействия труда на человека и человеческую природу, столь блестяще раскрытом в ряде сочинений Маркса (главным образом в главе о труде в первом томе «Капитала»)… Если справедливо, что труд создал человека, то с не меньшим основанием можно утверждать, что труд призван и восстановить человека, вернуть ему возможность заново овладеть функциями, временно утраченными вследствие тех или иных травм» (цит. по: Климов, Носкова, 1985, с. 6).

Во время войны все учреждения смогли переключиться на военную психологию, на темы, имеющие оборонный характер, потому что довоенные исследования подготовили для них необходимую теоретическую базу и методический аппарат. В основу построения *методов психологических исследований* был положен *методологический принцип взаимодействия изучения и воздействия* (Рубинштейн). Например, терапевтическое воздействие на патологическое явление (нарушенная психическая функция или двигательная функция) становится не только средством для его выправления, но и путем более глубокого познания (Леонтьев, Запорожец, 2012; Лурия, 1948). Эти положения получили конкретное воплощение в работе психологов в восстановительных госпиталях. *Опыт работы во время войны в свою очередь способствовал дальнейшему развитию психологической науки в области теории.*

А.Р. Лурия в своей автобиографии писал, что работа в восстановительных госпиталях создала возможность «вследствие большого числа мозговых ранений — углубить наше понимание мозга и мозговой организации психических процессов. Именно во время войны, — отмечал он, — и в ближайший послевоенный период нейропсихология превратилась в самостоятельную отрасль психологической науки» (Лурия, 1982, с. 131). В.Н. Мясищев, анализируя значение патопсихологического опыта военного времени и его значение для общей психологии, указывал, что война и блокада расширили патопсихологический опыт, показали его не только клинический, но и общепсихологический смысл: операции на мозге, истощение и психические травмы обогатили представления о психосоматических и соматопсихологических соотношениях, о локализации психологических функций. Б.В. Зейгарник пришла к выводу, что участие в оборонной работе показало значение анализа функционального и органического факторов в человеке, подчеркнув, что опыт, полученный в военные годы, в дальнейшем был использован для разработки теоретических основ и разворачивания практических исследований по патопсихологии. А.Н. Леонтьев писал о значении цикла исследований по восстановлению двигательных функций, нарушенных в результате ранений: преследуя практические цели, этот цикл вместе с тем был направлен на решение одной из фундаментальных теоретических проблем — проблемы функционального развития (Леонтьев, Запорожец, 2012).

Итак, психология военных лет стартовала от теории и привела к ее обогащению.

Заключение

70 лет отделяют нас от года великой Победы. Истории этого периода в развитии отечественной науки посвящено много работ. Их невозможно даже просто перечислить — так их много. Некоторые из них являются уникальными. К ним относится, например, книга А.Р. Лурия (1971) — повесть о человеке, который в результате страшного ранения потерял память, способность мышления, но сохранил личность, что позволило ему в результате титанической работы под руководством А.Р. Лурия частично восстановить свои силы и жить. Уникальные архивные документы и материалы личных фондов психологов опубликованы в замечательной книге В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника (2006). Во всех работах о психологии военных лет дан анализ психологических исследований, рассмотрены ведущие направления и результаты теоретической и практической деятельности психологов. Выявлено влияние исследований, проведенных в годы войны, на последующее развитие психологической науки. В этих трудах — благодарная память на-

шим коллегам, которые выполняли работу, нужную стране, работу, «которая, принесла пользу многим людям, а самим психологам позволила узнать много нового об изучаемом ими человеке» (Зейгарник, Рубинштейн, 1985, с. 12).

Однако обращение к опыту работы психологов в годы войны представляет не только исторический интерес. Этот опыт содержит урок, который учит: «по-настоящему видеть крупные теоретические проблемы — это значит видеть их в соотношениях с вопросами жизни» (Рубинштейн, 1957, с. 3). Его осмысление в контексте современного состояния психологии позволяет лучше понять трудности, которые переживает наша наука сегодня. Сегодня в психологической работе преобладают прикладные исследования. Фундаментальная наука отодвигается в тень в пользу узкопрагматической ориентации работы, господства психологии методик по коррекции психических трудностей и аномалий, что ведет к отставанию в развитии теоретической мысли. Но весь опыт психологии военных лет и традиции отечественной психологии в целом свидетельствуют: *фундаментальные исследования должны сохранять определяющее место в развитии науки*. Необходимо осознать недопустимость сложившегося в современной ситуации перекоса в соотношении фундаментальных и прикладных исследований. Практическая работа требует от психолога научной добросовестности и большой ответственности. Она предполагает хорошую подготовленность в коренных вопросах теории. Поэтому направленность на практику должна сочетаться с неустанным научным поиском в познании природы психического. Узкое понимание профессионализма, поверхностное отношение к методологическим основам — проявления общего кризиса, который переживает современная отечественная психологическая наука.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексей Александрович Бодалев — о блокаде Ленинграда, о своей молодости и профессиональном выборе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2015. №1. С. 138—144.

Ананьев Б.Г. Успехи советской психологии. Л.: Лениздат, 1948.

Зейгарник Б.В., Рубинштейн С.Я. Психология в годы войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1985. № 2. С. 8—12.

Климов Е.А., Носкова О.Г. Психологические знания о труде — обороне страны (30- 40-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1985. № 2. С. 3—8.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М.: Моск. гуманит. ун-т; Ин-т психологии РАН, 2006.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движений: Исследование восстановления функций руки после ранения [1945] // Леонтьев А.Н. Эволюция, движение, деятельность / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2012. С. 323—524.

Лурия А.Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. М.: АМН СССР, 1948.

Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Психология. Движение и деятельность. Сборник исследований кафедры психологии / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М., 1945 (Ученые записки МГУ. Вып. 90).

Психология. Вопросы восстановления психофизиологических функций / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М., 1947. (Ученые записки МГУ. Вып. 111).

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности [1922] // Вопр. психологии. 1986. № 4. С. 101—107.

Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Отечественной войны // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 374—395.

Поступила в редакцию
20.03.15